Сегодня. — 1995. — 19 авг. — с.7

Сюжет Гайдая

«Бриллиантовая рука» — не то, чем она кажется

Ольга Гаврилова

Только что по НТВ снова показывали «Бриллиантовую руку». В сотый раз гибкий красавец Миронов распевал про несчастных дикарей, которые что ни делают — не идут дела, а Мордюкова с блистающими жемчугами на шее произносила сакраментальное: «Наши люди в булочную на такси не ездят!» (Лучше бы она говорила «ездиют», но это было б уж запредельной наглостью со стороны режиссера.) В сотый раз отсмотревши фильм, задаешь себе два вопроса: почему никто до сих пор не написал фундаментальный труд под названием типа «Леонид Гайдай как Грибоедов советского кинематографа» и почему самые звездные фильмы Гайдая вообще вышли на экран?

Известный критик, драконя как-то по обыкновению отечественную кинокомедию за тупость, провозгласил: «Деточкину вечно суждено собирать подаяние у храма Балбеса!» (т. е. Никулина). Это так (сказала я тогда себе, прочитав), но ведь по большому счету «Берегись автомобиля!» кажется фильмом интеллектуальным исключительно благодаря Смоктуновскому, автоматически и гениально превращавшему абсолютно всех своих героев, а заодно и персонажей, его героев окружавших, в Гамлетов, Офелий и Лаэртов. Еще не известно, во что превратилась бы вышеупомянутая комедия, сыграй Деточкина тот же Никулин. Фильм стал бы другим — но был бы он безусловно тупее?

Каково же было мое изумление, когда в одном недавнем телеинтервью Рязанов заявил, что именно Никулина (Никулина-Балбеса) он и приглашал на эту роль, и только случайные обстоятельства не дали тому сыграть. А ведь приглашение от Рязанова последовало в 1965 году — еще до «Операции Ы», «Кавказской пленницы» и «Бриллиантовой руки». То есть гайдаевские герои уже несли в себе некое привлекающее (до сих пор, по всему видно, не до конца понятое) начало.

В 1967-м Гайдай снял «Кавказскую пленницу». К слову: найдется ли в стране человек, не видевший гайдаевских комедий? Маловероятно. Их смотрели все: представители всех слоев, национальностей, возрастов — и по много раз. Выражение «Шутка. Кергуду.» по употребляемости делит свое место с «А судьи кто?». Не знаю, насколько корректно подобное сравнение, но по степени раздерганности-растащенности на цитаты гайдаевские комедии, пожалуй, действительно сравнимы с комедией грибоедовской. Из всей отечественной кинопродукции последних, наверное, пятидесяти лет близко к ним по этому показателю подобрались лишь «Белое солнце пустыни» и «Ирония судьбы» — правда, это единичные случаи в творчестве Мотыля и Рязанова в отличие от гайдаевского вала. Кстати, хотя большинство сценариев писалось Гайдаем в соавторстве, по словам актеров, снимавшихся у него, многие фразочки, ставшие потом хитами первого ряда, придумывались режиссером на съемочной площадке.

Но даже если отвлечься от всяких хохмочек и примочек и взять сюжет «Пленницы» в чистом виде, то получится: фильм о том, как один немолодой ответственный работник (нигде не сказано, что партийный — но какой же еще?) с помощью своего персонального водителя пытается силой овладеть юной барышней, а стремящегося вывести его на чистую воду юношу засаживает в психушку. Как говорили тогда в таких случаях: это явление не типичное, а отдельное, мы его как раз и высмеиваем. Однако Ролана Быкова, скажем, настоятельно просили изъять из картины «Внимание, черепаха!» заключительный эпизод, где беззащитная рептилия едва не оказывалась под гусеницами танка, только потому, что у цензора возникли гениальные ассоциации с маленькой Чехословакией, раздавленной советскими танками. А здесь: и ответственный работник, имеющий чуть ли не персональный замок в горах, и взятки, и пьянки, и психушка с психом же главврачом — и ничего. Фильм выходит, успех — лавиной.

О «Бриллиантовой руке» разговор особый. Это ведь не просто комедия и не просто пародия на детектив, суть — стёб образца 1969 года.* Семен Семеныч Никулина — наитипичнейший советский человек, фильм обстоятельно живописует все его типичные взаимоотношения (с женой, детьми, заграницей, государством, работниками органов, бандитами, заграничной проституткой, бюрократами в лице управдомши) и все его возможные испытания (деньгами, женщинами, алкоголем, оговором) — причем Семен Семеныч всякий раз ведет себя именно так, как советскому человеку должно. Его противоборство с героиней Мордюковой вольно или невольно пародирует принципиальное противостояние всяких разных хороших героев с персонажем-бюрократом Игоря Ильинского в «Волге-Волге» или «Карнавальной ночи». Вообще когда смотришь фильм сегодня, он воспринимается как непрерывная издевка. Пусть не антисоветчина, но уж точно — отчетливая оппозиция.

В 1973 году появился последний смешной фильм Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». То, что на экран допустили экранизацию Булгакова — уже полусенсация (допустили, впрочем, и «Бег»). Но и сам сюжет-то! Царь, угодивший в наши времена, мудрее и великодушнее наших социалистических современников. Ворюга Жорж, очутившийся в прошлом вместе с тупицей управдомом, куда смекалистее, лучше и чище последнего, хоть и подворовывает ордена у заморских послов. Больше того: если сравнивать текст пьесы и фильма, расхождений почти не обнаружится (чуть перетасованы части, немного отсебятины вкупе с забойными песенками — и все), но есть в фильме сцена, когда управдом, косящий под царя, хочет отдать шведам Кемскую волость — государство, мол, не обеднеет. Тогда вор-Милославский хватает его за грудки и говорит дословно следующее: «Ты что ж, царская морда, государственные земли разбазариваешь? Так никаких волостей не напасешься!» Так вот, в пьесе волость хотел отдать (и отдал) вор, что куда логичнее и по всем политсоображениям безопаснее. Не зря, видно, пел загипсованный Никулин:

«А нам все равно, а нам все равно,
Станем мы храбрей и отважней льва.
Устоим хоть раз, в самый жуткий час
Все напасти нам будут трын-трава!»

Почему во всех других фильмах «выпускающие» из Госкино и пр. организаций искали (и находили) даже то, чего в них не было, а в фильмах Гайдая не замечали очевидную крамолу? Разумеется, у Гайдая, как у всех хороших режиссеров, была своя история взаимоотношений с выпускающими, но все же единственное приходящее на ум объяснение: *потому что у него особо и не искали.*

В отличие от комедий Данелии или Рязанова, которые всегда имели опасную славу интеллигентских (или, выражаясь более современно, интеллектуальных), гайдаевские комедии, очевидно, считали просто авантюрными, эксцентрическими, развлекательными, тупыми — народными. Эксцентрика словно бы завораживала, обманывала многих смотрящих. Служила завесой, пеленой. Самое интересное, что точно так же она действовала и на публику в меру рафинированную, для которой соленый огурец, запущенный в морду, все равно что красная тряпка для быка. Тогдашние интеллектуалы ценили из комедиографов тех же Данелию с Рязановым («Гараж» — это поступок, «Осенний марафон» — это квинтэссенция всей нашей жизни), а Гайдая скорее презирали.

Случай Гайдая — наверное, единственный в нашем кинематографе последних десятилетий: его фильмы стали казаться с годами и лучше (с точки зрения кинематографических критериев), и умнее. Они воспринимаются теперь совсем по-другому. Тот, кто смотрел «Бриллиантовую руку» когда-то давно, а теперь случайно увидел по ТВ, может с удивлением обнаружить, что это, оказывается, совсем другой фильм. Отличающийся от того, который запомнился.

Леонид Гайдай умер через целых 20 лет после «Ивана Васильевича». Все эти годы он продолжал снимать. Но по-настоящему смешных комедий у него больше не было.

** О стёбе как о стиле тогда и слышно не было, знаменитые американские стёбные комедии еще только через 20 лет появятся, а серьезные и вдумчиво-подтянутые милиционеры уже вели в фильме Гайдая свой лаконичный деловой разговор: «А, может, стоит... — Не стоит. — Ясно. Тогда, может, нужно... — Не нужно. — Понятно. А если... — А вот это попробуйте». Растерзанная жена в халате, заламывая руки, стонала: «Сеня, откуда у тебя пистолет и деньги?» «Оттуда», — отвечал пьяный Сеня и засыпал. Доблестная милиция засекала вражеский автомобиль, двигающийся от Дубровки «в направлении государственной границы», и так далее.*